

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ЛИТЕРАТУРА. 2022–2023 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 9 КЛАСС

Максимальный балл за всю работу – 80.

I. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1880–1925)

ЭКЗАМЕНАЦИОННАЯ ЗАДАЧА

Когда учитель громко продиктовал задачу, все записали её, и учитель, вынув часы, заявил, что даёт на решение задачи двадцать минут, – Семён Панталыкин провёл испещрённой чернильными пятнами ладонью по круглой головёнке и сказал сам себе:

– Если я не решу эту задачу – я погиб!..

У фантазёра и мечтателя Семёна Панталыкина была манера – преувеличивать все события, все жизненные явления и, вообще, смотреть на вещи чрезвычайно мрачно.

Встречал ли он мальчика больше себя ростом, мизантропического сурового мальчика обычного типа, который, выдвинув вперёд плечо и правую ногу и оглядевшись – нет ли кого поблизости, – ехидно спрашивал: «Ты чего задаёшься, говядина несчастная?», – Семён Панталыкин бледнел и, видя уже своими духовными очами призрак витающей над ним смерти, тихо шептал:

– Я погиб.

Вызывал ли его к доске учитель, опрокидывал ли он дома на чистую скатерть стакан с чаем – он всегда говорил сам себе эту похоронную фразу:

– Я погиб.

Вся гибель кончалась парой затрецин в первом случае, двойкой – во втором и высылкой из-за чайного стола – в третьем.

Но так внушительно, так мрачно звучала эта похоронная фраза: «Я погиб», – что Семён Панталыкин всюду совал её.

Фраза, впрочем, была украдена из какого-то романа Майн Рида¹, где герои, влезши на дерево по случаю наводнения и ожидая нападения индейцев – с одной стороны и острых когтей притаившегося в листве дерева ягуара – с другой, – все в один голос решили:

– Мы погибли.

Для более точной характеристики их положения необходимо указать, что в воде около дерева плавали кайманы, а одна сторона дерева дымилась, будучи подожжённой молнией.

¹ Томас Майн Рид – английский писатель XIX в., автор авантюрно-приключенческих романов.

* * *

Приблизительно в таком же положении чувствовал себя Панталыкин Семён, когда ему не только подсунули чрезвычайно трудную задачу, но ещё дали на решение её всего-навсего двадцать минут.

Задача была следующая:

«Два крестьянина вышли одновременно из пункта А в пункт Б, причём один из них делал в час четыре версты, а другой пять. Спрашивается, на сколько один крестьянин придёт раньше другого в пункт Б, если второй вышел позже первого на четверть часа, а от пункта А до пункта Б такое же расстояние в вёрстах, сколько получится, если два виноторговца продали третьему такое количество бочек вина, которое дало первому прибыли сто двадцать рублей, второму восемьдесят, а всего бочка вина приносит прибыли сорок рублей».

Прочтя эту задачу, Панталыкин Семён сказал сам себе:

– Таковую задачу в двадцать минут? Я погиб!

Потеряв минуты три на очинку карандаша и на наиболее точный перегиб листа линованной бумаги, на которой он собирался развернуть свои математические способности, Панталыкин Семён сделал над собой усилие и погрузился в обдумывание задачи.

Бедный Панталыкин Семён! Ему дали отвлечённую математическую задачу в то время, как он сам, целиком, весь, с головой и ногами, жил только в конкретных образах, не постигая своим майнридовским умом ничего абстрактного.

Первым долгом ему пришла в голову мысль:

– Что это за крестьяне такие: «первый» и «второй»? Эта сухая номенклатура ничего не говорит ни его уму, ни его сердцу. Неужели нельзя было назвать крестьян простыми человеческими именами?

Конечно, Иваном или Василием их можно и не называть (инстинктивно он чувствовал прозаичность, будничность этих имён), но почему бы их не окрестить – одного Вильямом, другого Рудольфом?

И сразу же, как только Панталыкин перекрестил «первого» и «второго» в Рудольфа и Вильяма, оба сделались ему понятными и близкими. Он уже видел умственным взором белую полоску от шляпы, выделявшуюся на лбу Вильяма, лицо которого загорело от жгучих лучей солнца... А Рудольф представлялся ему широкоплечим мужественным человеком, одетым в синие парусиновые штаны и кожаную куртку из меха речного бобра.

И вот – шагают они оба, один на четверть часа впереди другого...

Панталыкину пришёл на ум такой вопрос:

– Знакомы ли они друг с другом, эти два мужественных пешехода? Вероятно, знакомы, если попали в одну и ту же задачу... Но если знакомы – почему они не сговорились идти вместе? Вместе, конечно, веселее, а что один делает в час на версту больше другого, то это вздор – более быстрый мог бы деликатно понемногу сдерживать свои широкие шаги, а медлительный мог бы и прибавить немного шагу. Кроме того, и безопаснее вдвоём идти – разбойники ли нападут или дикий зверь...

Возник ещё один интересный вопрос:

– Были у них ружья или нет?

Пускаясь в дорогу, лучше всего захватить ружья, которые даже в пункте Б могли бы пригодиться, в случае нападения городских бандитов – отребья глухих кварталов.

Впрочем, может быть, пункт Б – маленький городок, где нет бандитов?..

Вот опять тоже – написали: пункт А, пункт Б... Что это за названия? Панталыкин Семён никак не может представить себе городов или сёл, в которых живут, борются и страдают люди, под сухими бездушными литерами. Почему не назвать один город Санта-Фе, а другой – Мельбурном?

И едва только пункт А получил название Санта-Фе, а пункт Б был преобразован в столицу Австралии, – как оба города сделались понятными и ясными... Улицы сразу застроились домами причудливой экзотической архитектуры, из труб пошёл дым, по тротуарам задвигались люди, а по мостовым забегали лошади, неся на своих спинах всадников – диких, приехавших в город за боевыми припасами, вакеро² и испанцев, владельцев далёких гациенд...³

Вот в какой город стремились оба пешехода – Рудольф и Вильям...

Очень жаль, что в задаче не упомянута цель их путешествия? Что случилось такое, что заставило их бросить свои дома и спешить, сломя голову, в этот страшный, наполненный пьяницами, карточными игроками и убийцами, Санта-Фе?

И ещё – интересный вопрос: почему Рудольф и Вильям не воспользовались лошадьми, а пошли пешком? Хотели ли они идти по следам, оставленным кавалькадой гверильясов⁴, или просто прошлой ночью у их лошадей таинственным незнакомцем были перерезаны поджилки, дабы они не могли его преследовать, – его, знавшего тайну бриллиантов Красного Носорога?..

Всё это очень странно... То, что Рудольф вышел на четверть часа позже Вильяма, доказывает, что этот честный скваттер не особенно доверял Вильяму и в данном случае решил просто проследить этого сорвиголову, к которому вот уже три дня подряд пробирается ночью на взмыленной лошади креол в плаще.

...Подперев ручонкой, измазанной в мелу и чернилах, свою буйную, мечтательную, отуманенную образами голову – сидит Панталыкин Семён.

И постепенно вся задача, весь её тайный смысл вырисовывается в его мозгу.

² Вакеро – мексиканский ковбой.

³ Гациенда (гасиенда, асьенда) – крупное поместье или ферма.

⁴ Гверильясы – в данном случае: мексиканские бандиты.

* * *

Задача:

...Солнце ещё не успело позолотить верхушек тамариндовых деревьев, ещё яркие тропические птицы дремали в своих гнёздах, ещё чёрные лебеди не выплывали из зарослей австралийской кувшинки и желтоцвета, – когда Вильям Блокер, головорез, наводивший панику на всё побережье Симпсон-Крика, крадучись шёл по еле заметной лесной тропинке... Делал он только четыре версты в час – более быстрой ходьбе мешала больная нога, подстреленная вчера его таинственным недругом, спрятавшимся за стволом широколиственной магнолии.

– Каррамба! – бормотал Вильям. – Если бы у старого Биля была сейчас его лошадёнка... Но... пусть меня разорвёт, если я не найду негодяя, подрезавшего ей поджилки. Не пройдёт и трёх лун!

А сзади него в это время крался, припадая к земле, скваттер Рудольф Каутерс, и его мужественные брови мрачно хмурились, когда он рассматривал, припав к земле, след сапога Вильяма, отчётливо отпечатанный на влажной траве австралийского леса.

– Я бы мог делать и пять вёрст в час (кстати, почему не «миль» или «ярдов?»), – шептал скваттер, – но я хочу выследить эту старую лисицу.

А Блокер уже услышал сзади себя шорох и, прыгнув за дерево, оказавшееся эвкалиптом, притаился...

Увидев ползшего по траве Рудольфа, он приложился и выстрелил.

И, схватившись рукой за грудь, перевернулся честный скваттер.

– Хо-хо! – захохотал Вильям. – Меткий выстрел. День не пропал даром, и старый Биль доволен собой...

* * *

– Ну, двадцать минут прошло, – раздался, как гром в ясный погожий день, голос учителя арифметики. – Ну что, все решили? Ну, ты, Панталыкин Семён, покажи: какой из крестьян первый пришёл в пункт Б.

И чуть не сказал бедный Панталыкин, что, конечно, в Санта-Фе первым пришёл негодяй Блокер, потому что скваттер Каутерс лежит с простреленной грудью и предсмертной мукой на лице, лежит одинокий в пустыне, в тени ядовитого австралийского «змеинового дерева»!..

Но ничего этого не сказал он. Прохрипел только: «не решил... не успел...».

И тут же увидел, как жирная двойка ехидной гадюкой зазмеилась в журнальной клеточке против его фамилии.

– Я погиб, – прошептал Панталыкин Семён. – На второй год остаюсь в классе. Отец выдерет, ружья не получу, «Вокруг света» мама не выпишет...

И представилось Панталыкину, что сидит он на развалине «змеинового дерева»... Внизу бушует разлившаяся после дождя вода, в воде щелкают зубами кайманы, а в густой листве прячется ягуар, который скоро прыгнет на него, потому что огонь, охвативший дерево, уже подбирается к разъярённому зверю...

Я погиб!

(1914)

Вариант 2

Иван Андреевич Крылов (1769–1844)

К СОЛОВЬЮ

Отчего сей свист унылый,
Житель рощей, друг полей?
Не из города ль, мой милый,
Прилетел ты, соловей?
Не из клетки ль на свободу
Выпорхнул в счастливый час
И, ещё силка страшась,
Робко так поёшь природу?
Ах! не бойся – и по воле
Веселись, скачи и пой;
Здесь не в городе мы – в поле;
За прекрасный голос свой
В клетке здесь не насидишься
И с подружкой дорогой
За него не разлучишься.
Позабудь людей, друг мой:
Все приманки их – отравы;
Все их умыслы – лукавы.
Здесь питьё и корм простой,
Но вкуснее он на ветке,
При свободе чувств своих,
Нежель корм богатый их
В золотой и пышной клетке.

(1790-е)

II. [40 баллов] МУЗЕЙНАЯ ВИТРИНА: ОТ ЭПИГРАФА К ВЕЩАМ-ЭКСПОНАТАМ

Вы сотрудник Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля и принимаете участие в подготовке выставки «Любимые вещи русских писателей». Вам необходимо описать вещи писателя XVIII и/или XIX века, которые экспонируются на витрине (стенде) музея. Предложенный эпиграф может послужить ключом для вашей художественной фантазии.

Эпиграф:

*И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верный.*

Дмитрий Веневитинов

1) Предложите кандидатуру русского писателя XVIII–XIX века для выставки и назовите вещи, которые ему принадлежали (могли бы принадлежать).

2) Опишите внешний вид 1–2 вещей, принадлежавших этому писателю, и создайте музейную «легенду» для каждой вещи (историю вещи: как она была связана с биографией писателя и каким образом попала в музей), чтобы экскурсовод музея мог рассказать о ней посетителям. Историю вещи и описание её внешнего вида **придумайте самостоятельно. Пишите свободно, интересно, ярко: посетители музеев любят таинственные и захватывающие истории.**

3) Объясните ход своих рассуждений и аргументированно обоснуйте свои фантазии по поводу выставленных вещей-экспонатов.

4) Подберите или сочините ещё один поэтический эпиграф к стенду (витрине), подходящий по смыслу к предложенному эпиграфу и указывающий на подобную или сходную вещь. Кратко опишите содержание и/или историю предложенного вами эпиграфа, укажите его автора.

Оцениваются: оригинальность истории, подробность, логика, обоснованность подбора второго эпиграфа, богатство речи.

До 5 дополнительных баллов даётся тем участникам олимпиады, кто раскроет историю стихотворения Д. Веневитинова, откуда взяты представленные в эпиграфе строчки, и расскажет об истории вещи, упомянутой в эпиграфе.